

пространство романа «Мастер и Маргарита». В этом-то и сказалась, между прочим, упоминавшаяся в начале этого очерка «киевоцентричность» булгаковского мышления. Описывая катастрофу на Патриарших, он словно бы еще раз — едва ли не в последний — побывал в родном городе, в окрестностях родного дома, уже закрепленных однажды в литературном изображении. Поэтому кажутся излишними старания краеведов выяснить — был ли, не было ли трамвая на Патриарших. Дело в другом: трамвай был на Александровской улице купринского рассказа и на Александровской улице реального Киева.

Соотнесенность романа Булгакова с рассказом Куприна в деталях хорошо обоснована соотнесенностью замыслов двух произведений. Сходство «частного» получает поддержку — и объяснение — в сходстве «всеобщего», если рассматривать «Каждое желание» и «Мастера и Маргариту» как произведение о страстной жажде нормы — нормального человеческого существования, которое с необходимостью подразумевает осуществление пусть не «каждого желания», но безусловно того, которое представляется «естественным». Так герой Куприна, получив возможность осуществить «каждое», пользуется своей возможностью с умеренностью порядочного человека, не выходящего за границы нормы, несмотря на чудовищное искушение. Так роман Булгакова пронизан жаждой «исполнения желаний», размышлениями о цене исполнения и его возможных последствиях, мечтой о том, чтобы рукописи не горели (у Куприна они сгорают безвозвратно), чтобы каждому воздавалось по вере его, и даже о том, чтобы осетрина всегда была только первой свежести (некий эпизод с осетриной, заметим между прочим, есть и у Куприна).

Противостояние булгаковской дьяволиады купринской определено — как бы задано — различием функций дьявола в этих произведениях. Тофель Куприна — фигура в своем роде заурядная, дьявол как дьявол. Он абсолютно традиционен и однолинеен в своих действиях. Он дарит своему клиенту ошеломляющее могущество, отделяющее общительного Цвета от людей. Функция Воланда — сложная и диалектическая, сколь бы мало подходящим ни было отнесение этого слова к потустороннему персонажу. Призванный ко злу, он творит добро и компен-

сирует Мастеру обиды, нанесенные ему людьми, хотя цена этой компенсации — смерть. Цвет и Мастер, каждый на свой лад, служат Богу — как воплощению идеи мирового порядка: один — пением в церковном хоре, другой — своим романом. Оба, вышибленные из своего скромного уютя, стремятся вновь вернуться туда, чтобы обрести там норму бытия: Цвет — в свою каморку под крышей, Мастер — в квартирку в полуподвале. Таким образом, персонажи противопоставлены и пространственно (верх — низ) и тем, что Цвет удален из своего привычного обиталища дьявольскими кознями, а Мастер — ими же туда водворен.

В ряду традиционных для русской литературы «вторых пришествий» — от «Идиота» и «Легенды о великом инквизиторе» Ф. Достоевского до «Двенадцати» А. Блока, «Мистерии-Буфф» В. Маяковского и далее — роман Булгакова «Мастер и Маргарита» парадоксален: перед нами типичное «второе пришествие» — но не Христа, а Сатаны. Сатана представлен как «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо», и к нему самым кощунственным образом отходят некоторые функции Христа. Сатана оказывается чем-то вроде Христова помощника, исполнителем высшей и доброй воли, всемогущим мальчиком на побегушках, воплощением зла на службе у блага...

Насколько можно судить, Булгаков знал рассказы Куприна по первоизданию в двадцатом выпуске альманаха «Земля»: «поле совпадений» и количество «параллельных мест» увеличивается, если взять для сравнения эту публикацию, а не последующие, где рассказ печатался в переработанном виде. Весь объем двадцатого выпуска альманаха составляли два произведения: рассказ А. Куприна «Каждое желание» и повесть В. Винниченко «Записки курносого Мефистофеля». И надо же случиться, что действие обоих произведений, помещенных под маркой альманаха, на которой художник И. Билибин изобразил сказочно стилизованный московский Кремль, происходило в Киеве! «Влюбленный в Киев, брожу по зеленым... улицам его», «Я сажусь на Бибиновском бульваре против университета», «Сажу на Владимирской горке», «Звонят в Софийском соборе» — это в повести В. Винниченко постоянно. Два произведения о Киеве в московском альманахе — совпадение удивительное.

Не менее удивительно другое: оба